

Санникова Т. О.

[НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА УРАЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX ВЕКА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/68.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 186-188. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- Материалы по коммерческому образованию.** – СПб., 1904. – Вып. 4. – С. 16.
- Министерство финансов (1802-1902).** – СПб., 1902. – Ч. II. – С. 18-19, 603, 605.
- Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны.** – М., 1867-1868. – Вып. 1. – С. 21.
- Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881-1894).** – СПб., 1902. – С. 606.
- Отчет Попечительного Совета Самарского коммерческого училища за 1902/03 и 1903/04 учебные годы.** – Самара, 1904. – С. 3-5.
- Приселков М. Д.** Купеческий бытовой портрет XVIII-XIX вв.: Первая отчетная выставка Историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». – Л., 1925. – С. 18, 19.
- ПСЗ. III.** – Т. 16. – № 12774.
- Проект устава Самарской городской 6-ти классной торговой школы для совместного обучения лиц обоего пола.** – Самара, б/г. – С. 2.
- Производительные силы России.** – СПб., 1896. Отд. 19. – С. 3-4, 42.
- Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 25. Оп. 2. Д. 956. Л. 3-4.
- РГИА.** Ф. 25. Оп. 3. Д. 569. Л. 1.
- РГИА.** Ф. 25. Оп. 5. Д. 484. Л. 1.
- РГИА.** Ф. 25. Оп. 5. Д. 484. Л. 9.
- РГИА.** Ф. 1152. Оп. 11. Д. 1894. Д. 129. Л. 23.
- РГИА.** Ф. 1287. Оп. 32. Д. 476. Л. 1-8.
- Россия в конце XIX века.** – СПб., 1900. – С. 494-495.
- Россия:** Энциклопедический словарь. – Л., 1991. – С. 395.
- «Самарец»:** Справочная книга и календарь на 1889 год с прибавлением путеводителя по Волге. – Самара, 1888. – Отд. 3. – Гл. 2. – С. 341.
- Свердлова Л. М.** На перекрестке торговых путей. – Казань, 1991. – С. 52.
- Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности (1907-1908 учебного года).** – СПб., 1909. – С. 28-29, 114, 171.
- Ульянова Г. Н.** Духовный облик и образ жизни предпринимателей пореформенной России // История предпринимательства в России. – М., 1999. – С. 50. - Книга 2: Вторая половина XIX-начало XX века.
- Фирсов Н. Н.** Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики. – Казань, 1902. – С. 174, 301.
- Фомин А.** Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках // Новые ежемесячные сочинения. – 1788. – Ч. XXIV - С. 6-25.

НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА УРАЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX ВЕКА

Санникова Т. О.

Филиал Удмуртского государственного университета в г. Воткинск

В русле русской культурной традиции, при трактовке понятия интеллигенции принято говорить об ее особых духовных качествах, нравственности.

Вопрос о нравственности в XIX веке поднимался достаточно часто при определении на должность. О нравственных качествах принято было писать в характеристиках при определении на работу, наконец, в сфере, например образования – данному вопросу уделялось особое внимание, что вполне объяснимо. Учитель как никто другой оказывал влияние на мировоззрение молодежи, поэтому его пример не должен был быть отрицательным образцом для подражания, входить в противоречие с проповедуемыми принципами. Нарекания на недобросовестное исполнение своих обязанностей, нетрезвую жизнь, страсть к карточной игре, жестокое обращение с учениками и взимание с них незаконным путем денег не были беспочвенными, коль столь часто становились объектами нападков в прессе, в произведениях писателей и художников. Все это вынуждало министерство просвещения уделять данному вопросу пристальное внимание. В архивах Пермской, Свердловской областей, Удмуртской республики неоднократно встречаются дела, содержащие переписку инспектора народных училищ с попечителями учебных округов, училищными советами о нравственных и политических качествах учителей.

Вот лишь материалы одного дела государственного архива Пермской области (ГАПО), где собраны документы 1875 г. С грифом «конфиденциально» в них находим информацию следующего рода: «Господину директору народных училищ Пермской губернии

До сведения Министерства Народного Просвещения дошло, что в Кунгурском уезде в селении Березовском учитель Никандр Пономарев поведения неодобрительного, ведет жизнь разгульную и беспорядочную. Вследствие конфиденциального предложения Г. Товарища Министра Народного Просвещения от 5 сего февраля за №22, покорнейше прошу Вас, Милостивый государь, если эти сведения подтвердятся, заменить учителя Пономарева при первой возможности более благонадежным и о сделанном Вами распоряжении мне донести.

Попечитель Казанского учебного округа Шестаков (24 февраля 1875 г.)» [ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 1].

Листая подшивки, невольно задумываешься над тем, сколько судеб, чужих жизней заключают в себе скупые строчки донесений. Иные же их них как кусочек действительности, выхваченный пером чиновника, словно зарисовка А. Чехонте: «Его Высокородию, Господину Директору народных училищ Пермской губернии (...) имею честь донести, что учитель Ильин со времени прибытия в Ирбит с 7 сентября до 12 ноября должность свою отправлял усердно и без всяких упущений. В это период времени я не замечал в нем пристрастия к злоупотреблению спиртных напитков. За исключением раздражительности и какой-то порывистости в движениях в нем ничего особенно ненормального не было. С 12-го или 10-го ноября он сделался крайне задумчив, рассеян, недоверчив и потерял охоту к занятиям. Перестал ходить в класс и, как сделалось известным, предавшись водопитию, совсем спятил с ума, понес чушь о каких-то агентах, намеревающихся его арестовать, стал кричать, буяннить, так что по просьбе хозяев квартиры, взят в больницу. Станным нам всем показалось, что забывчивость, беспокойство, недоверчивость его начались почти немедленно по прочтении им газетных известий о волнениях произошедших в Медико-хирургической Академии. Тем не менее, по недавнему житию его здесь, при полном незнании прошедших обстоятельств его жизни, не представилось никакого основания делать какие-либо заключения о причинах постигшей его болезни. Все это излагаю Вашему Высокородию по долгу справедливости с совершенною откровенностью.

Штатный смотритель Ирбитских училищ Николай Эйгер (27 апреля 1875 г.)» [ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 7].

Теперь действительно сказать сложно, что случилось с неизвестным нам учителем Ильиным 12 ноября 1875 года, и насколько здесь причастны события политического плана. Политические пристрастия, политическая неблагонадежность весьма волновала власть придерживающих. В силу шаткого правового положения интеллигенции трудно было избежать и часто беспочвенных обвинений, за которыми скрывались далеко не заботы о благе государства, а о собственной выгоде.

В феврале 1875 г. от попечителя Казанского учебного округа в адрес Директора народных училищ пермской губернии поступила жалоба на подполковника горных инженеров Штейнфельдта, механика горных заводов и члена училищного совета Екатеринбургского уезда. В вину последнему, в частности вменялось то, он вращается в ряду людей, не пользующихся хорошею репутацией в политическом отношении: «В особенно близких отношениях, Штейнфельдт состоит с семейством Надежды Сушиной, арестованной по делу о пропаганде в народе преступных учений. Сестре этой Сушиной, Штейнфельдт поручил заведование библиотекой Екатеринбургского земства и таким образом поставил ее в непрерывные и непосредственные отношения с учителями земских школ, снабжаемых из означенной библиотеки книгами. Местный инспектор народных училищ неоднократно настаивал на удалении Сушиной от заведывания библиотекой, но безуспешно» [ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 2].

Совершенно иной взгляд на сложившуюся ситуацию дает письмо самого Штейнфельдта попечителю Оренбургского учебного округа. Н. Штейнфельдт пишет о том, что вследствие неудачного выбора на должность инспектора народных училищ статского советника Иванова, дело народного образования в Екатеринбургском уезде быстро идет к упадку: «Уже были случаи, что сельские общества составляли приговоры об отказе в участии в содержании школ, или об уменьшении размера своего участия. Я не стану входить в подробности. Характер посещений г. Ивановым училищ можно обрисовать коротко: на обзор училищ он употребляет очень мало времени; делает заключения о многих училищах не видав их. Войдя в училище, он прежде всего напускается на учителя, привязавшись к чему-нибудь (...). Отзывы г. Иванова об училищах и учителях большею частью в прямой зависимости от того как его принимают. Существуют слухи, что г. Иванов приезжал в села совсем пьяный. От учителей он требует, чтобы его величали превосходительством, и объявляет, что он генерал. Между учителями он так и прослыл за Генерала. При посещении училищ кем бы то ни было, крестьяне имеют обыкновение собираться в школу. Понятно – такие сцены получают в народе гласность и действуют очень дурно» [ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121 Л. 17]. Далее Н. Штейнфельдт продолжает, что обо всех указанных им фактах он быть может и не осмелился писать Его Превосходительству, если бы не ситуация, которая далее ему молчать не позволяет, связанная с семейством Сушиных. Живя в Екатеринбурге, Н. Штейнфельдт, как член от местного земства училищного совета, принял на свои руки склад учебных пособий. Для исполнения занятий по этому складу пригласил домашнюю учительницу Любовь Дмитриевну Сушину. В то же время г. Иванов предложил перевести склад в училищный совет, помещавшийся у него дома, с тем, чтобы его дочь заведовала им. Разногласия с инспектором усугублялись еще и тем, что за два месяца перед этим, была арестована сестра г-жи Сушиной – Н.Д. Сушина. Это обстоятельство дало повод г. Иванову настаивать, чтобы Л.Д. Сушина была удалена от заведования складом. На все настояния Иванова – Штейнфельдт отвечал, что «во 1-х) Какова бы не оказалась виновность, подвергшейся аресту Н.Д. Сушиной, все последствия ее виновности должны пасть на нее одну, и отнюдь не должны касаться ничем не повинной сестры ее, которая, и это засвидетельствуют многие весьма уважаемые лица города, составила себе безупречную репутацию, как девица скромная, трудящаяся, добросовестно исполняющая то за что берется; во 2-х) что арест сестры ее пал уже, тяжелым испытанием на всю семью, и что я считаю нечестным усиливать горечь этого испытания, бросая незаслуженную тень на личность вполне безупречную; в 3-х) что заведование складом есть занятие чисто хозяйственное, заключающееся в приеме и своевременной отправке чрез земских почтарей требуемого в училища. Что это заведование есть, поэтому, дело чисто земского хозяйства, в каковое он (Иванов – С. Т.) вмешиваться не имеет права» [ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 17-18].

Итогом указанных разногласий стали дальнейшие интриги инспектора, жалобы по линии директора народных училищ Пермской губернии через жандармерию. Л. Д. Сушина, после разговора с Н. Штейнфельдтом, объяснившим ей положение дела, отказалась от должности. На этом, впрочем инспектор Иванов не успокоился и стал грозить ей лишением права на преподавание.

Чем закончилась эта история неизвестно; помогло ли заступничество Н. Штейнфельдта, или только и осталось на бумаге актом человека, пытавшегося защитить другого от несправедливости, - сказать трудно. Однако показателен сам факт сложившейся ситуации, и несправедливости не только молодой учительницы, но и горного инженера пред лицом чиновничьего бюрократизма и стремлением такого рода инспекторов «лоб расшибить» в выполнении спущенных сверху манифестов.

Список литературы

- ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.
ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 7.
ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 17-18.

ИЗМЕНЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА КОЛДОВСТВА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ В ПЕРИОД XIII–НАЧ. XVII ВВ.

Сергеев С. С.

Новосибирский государственный медицинский университет

Колдовство являлось неотъемлемой частью религиозной и интеллектуальной жизни средневековой Европы. Нас же особо интересует отношение к колдовству инквизиции, поскольку, несмотря на большое количество проведенных исследований, данный вопрос нельзя признать окончательно решенным. Дело в том, что большинство трудов, посвященных «охоте на ведьм», рассматривает в первую очередь практическую деятельность инквизиции (процесс преследования), тогда как неоднозначный характер отношения к феномену колдовства, включая вопросы его онтологического обоснования, остаются малоизученными. Цель данной статьи – показать, как изменялось отношение католической инквизиции к колдовству в период XIII–начала XVII вв.

Вера в колдовство формируется на основе языческих представлений и магии, поэтому распространенность этой веры в сознании средневекового человека не имело прямого отношения к христианству. Первая проблема ставшая перед теоретиками инквизиции состояла в том, что неясным оставалось положение колдовства относительно ереси. Инквизиция была учреждена для борьбы с ересью. Ересь – ошибочное, преднамеренное и последовательное противодействие истине, официально установленной церковью. Таким образом, инквизицию в первую очередь интересовало, насколько взгляды подозреваемого в ереси противоречат истине, официально установленной церковью. Для того чтобы колдовство попало в ведение инквизиции, необходимо было ответить на вопрос: «Является ли колдовство ересью?» Точнее говоря, признать колдовство ересью. Эта проблема решилась не сразу.

Когда была устроена инквизиция, то чародейство долгое время оставалось вне ее юрисдикции. Собор 1248 года в Валенсии, поручая инквизиторам преследование еретиков, предписал выдавать чародеям епископам, которые будут их заключать в тюрьму или наказывать как-нибудь иначе. Затем в течение шестидесяти лет вопрос поднимался на различных соборах; но единственным наказанием, грозившим виновным, было отлучение от Церкви. Трирский собор 1310 года, тщательно перечислявший запрещенные науки, предписывает приходским священникам не допускать преступных деяний; но в случае неповиновения он предписывает наказывать только отказом в причастии, при упорстве – отлучением от Церкви и другими карами, которыми располагали епископские судьи.

В 1257 году святой трибунал обратился к папе Александру IV (1254–1261) с вопросом, следует ли ему принять в свое ведение преступления гадания и чародейства. В ответ Александр IV в 1260 году выпустил буллу «Ибо небеса иные», в которой обращался к инквизиторам: «Порученное вам дело веры настолько важно, что вам не следует отвлекаться от него преследованием другого рода преступлений. Поэтому дела о гаданье и колдовстве надобно вести инквизиционным порядком только в тех случаях, когда они определенно отзываются ересью; во всех же прочих случаях их надо оставлять за учрежденными для того ранее судами» [Сперанский 2001: 147-148]. В конце века это правило было внесено папой Бонифацием VIII в каноническое право. Теперь для того, чтобы колдовства перешло в ведение инквизиционного трибунала, необходимо было доказать, что колдовство является ересью.

Начиная с упомянутой буллы Александра IV, инквизиторы с удвоенной силой, используя идею молчаливого договора с дьяволом и другие имевшиеся в их распоряжении средства, принялись искать в ереси колдовство, а в колдовстве – ересь. «...Инквизиция пыталась – и не без успеха – расширить свою юрисдикцию путем отождествления колдовства с ересью. 22 августа 1320 г. по распоряжению Иоанна XXII кардинал